

УДК 930

<http://doi.org/10.36906/KSP-2020/10>*Кругликов А.С., Цысь О.П.**Нижневартровский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия*

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННИКА ИОАННА БЕЛЛЮСТИНА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность, в том числе публицистическая, священника Иоанна Степановича Беллюстина (1819–1890), чье творчество послужило своеобразным «толчком» в деле реформирования Русской православной церкви императором Александром II. Основным объектом изучения стала книга «Описание сельского духовенства», написанная Беллюстиным, которая получила огромный резонанс в официальной конъюнктуре церкви и либеральной печати как в России, так и в Европе, благодаря смелым, критическим, а порой и революционным замечаниям автора относительно положения духовного сословия, социального статуса духовенства и его материального положения.

Ключевые слова: Русская православная церковь; духовенство; материальное обеспечение; реформа.

Творчество и личность священника Иоанна Беллюстина являются объектом пристального изучения не только дореволюционных авторов, но и современных исследователей. Причем, в зависимости от хронологических рамок, работы, связанные с жизнью и творчеством Беллюстина, можно разделить на несколько категорий: оппозиционно-реакционные (Муравьев А.Н., Елагин Н.В. – о них пойдет речь ниже), тематически ориентированные (Михайлов С.Л., в контексте проблем духовного образования [9], Никифоров А.В., в контексте осмысления церковного инакомыслия [11]), биографические (Леонтьева Т.Г., благодаря подробному обзору материалов Государственного архива Тверской области, проливает свет на неизвестные ранее аспекты жизни священника [7], Малышев В.М. охарактеризовал личность Беллюстина с точки зрения его эпистолярного наследия [8]).

Во второй половине XIX в. система церковно-государственных отношений претерпела серьезные изменения таким образом, что император Александр II, получивший прозвище «Освободитель», в равной мере мог бы называться им не только в отношении ликвидации крепостного права, но и в деле реформирования церковного, о чем прямо и косвенно говорил Валуев Петр Александрович в «записке о подготовке крестьянской реформы», в которой успех реформы по отмене крепостного права ставился в прямую зависимость с такими чисто церковными вопросами, как преодоление сословной замкнутости и изменение материального обеспечения приходского духовенства [6].

Поднятые реформами вопросы лишь отражают ранее возникшую острую полемику, которая сложилась в церковной и светской печати относительно положения церкви. Одним из «деятелей и вдохновителей» церковных реформ стал священник Иоанн Степанович Беллюстин. В 1858 г. в Лейпциге выходит книга автора «Описание сельского духовенства», которая была переведена на немецкий и французский языки, что гарантировало ознакомление с материалом, представленным в ней, европейской общественности. Получив серьезный резонанс уже в Европе [4, с. 910–911], она стала, несмотря на противодействие властей, достоянием и сенсацией в России; от ее прочтения не мог отказать даже сам император Александр II [13, с. 531].

Будучи не только публицистом, но и священником, Беллюстин изнутри знал о проблемах духовного сословия и возможных вариантах их решения. С самого начала книги он определил положение священника как «униженное и подавленное» [1, с. 1], а для объективности своего утверждения начал рассматривать жизнь будущего священника с самого раннего возраста, вводя три категории-условия формирования его характера: первоначальное образование, семинарское образование, сельский иерей. Автор не делает ссылки на какие-то источники своей информации, но нам думается, что собственный опыт позволил ему, проследив жизненный путь сельского священника, объективно, со всей скрупулезностью описать сложившееся положение.

Духовное сословие в России, в соответствии с законодательными актами, которые проводили четкую грань между духовенством и остальными сословиями, делалось максимально замкнутым, как на выход, так и на вход.

Формирование будущего пастыря происходило в самом раннем возрасте. Попадая в училище в возрасте восьми-девяти лет, в уездный или губернский город, живя на «дешевлейшей» квартире, вырванный из отеческого дома, ребенок знакомился «с грязью, грубостью и пороками... становясь сам участником всяких мерзостей». Само обучение, по словам автора, не приносило должного результата: «грязные классы, невежество учителей и преподавателей, постоянные денежные поборы, физические истязания (до 200 розог, самых беспощадных)» [1, с. 3–24].

Обучение в семинарии мало чем отличалось от обучения в училище. Оторванность изучаемых предметов от реальной жизни будущего священника на селе – «бесцельно, нелепо и ничтожно» [1, с. 26–51]. Автор настаивает на изменениях и преобразованиях, которые должны произойти, чтобы «образование духовного юношества было не одним образованием». Более подробно описывает автор положение сельского духовенства, затрагивая вопросы «поступления на место, быт семейный, средства к жизни, отношения сельского иерея к правлениям и консистории, к епархиальным архиереям и раскольникам» [1, с. 53, 57, 68, 81].

Получить хорошее место для служения в епархии, даже лучшему студенту, было практически невозможно. Развитая система «продажи мест» ставила нищего выходца из семинарии в очень жесткие рамки. С одной стороны, выход из сословия и смена деятельности был невозможен, с другой, непомерные запросы епархиального начальства (до 200 рублей за место в хорошем приходе), а также плата в консисторию за «справку с мнением» и «поборы при производстве в иереи» заставляли вчерашнего нищего студента искать средства. Обычный выход в этом случае был один: поиск невесты, причем с хорошим

приданым. Поторговавшись в нескольких домах, как правило, ставленник выбирал ту, где дают больше, невзирая на «все недостатки нравственные и даже физические» [1, с. 53–55].

Отдельное внимание Беллюстин уделяет «средствам к жизни» духовенства. Финансовое благосостояние обыкновенно складывалось из «дохода и земледелия». Доход формировался из пожертвования за требоисполнение, которое приходилось выпрашивать и «выжимать» из прихожан. Священник торговался с прихожанами, а после молебна, отпевания или венчания «тянул руку за подаванием». Возделывание земли также лежало полностью на собственных плечах духовенства. Автор сравнивает его с крестьянином, забывшим «свое прямое предназначение». Служба для такого пастыря становилась в тягость, требоисполнение делалось «с неохотой, с неудовольствием, нередко с бранью» [1, с. 68–72].

Средств к существованию не хватало. Неприязнь между священником и прихожанами нередко перерастала в откровенное хамство и унижение, что только увеличивало пропасть между пастырем и паствой. Находясь в полной материальной зависимости от своих прихожан, священник не оказывал на них должного влияния, а зачастую и сам «воспринимал дурные привычки и злые наклонности» [1, с. 81]. Отдельного внимания автора заслужило так называемое «хождение по приходу», которое было необходимо только для сбора денег, развращая духовенство «пьянством и беспорядками» [1, с. 91].

Несмотря на свое привилегированное сословное положение, сельский священник находился в постоянной зависимости и «сверху», и «снизу». Определяя церковную административную структуру, Беллюстин подчеркивает теоретическую важность и необходимость такой иерархической единицы как благочинный, но на практике вся деятельность благочинного сводилась к «мытарству в самом прямом смысле этого слова. Единственная цель которого – обирать, насколько хватит сил и умения, церкви и духовенство» [1, с. 108].

Следующей ступенью в административной структуре епархии стояла консистория. Здесь автор «Описания» рисует образ сельского священника еще более отчетливо, определяя его положение по отношению к правлению как «беззащитного и загнанного» [1, с. 118–119]. Если надлежало сельскому священнику быть вызванным в консисторию, то известие это воспринималось хуже «холеры, от которой Господь может и спасет, а от консистории спасенья нет» [1, с. 119]. Поездка в правление всегда оборачивалась большими тратами.

Апогеем унижений и оскорблений для сельского священника автор считает отношения с управляющим епархией архиереем. Определяя главную цель епископского служения как управление паствой, Беллюстин подчеркивает, что необходимым условием для этого является «знание всех духовных нужд своей паствы» [1, с. 121]. Подвергая серьезной критике все административное устройство церкви, трудно представить, чтобы автор обошел своими критическими замечаниями епископа. Отношение епископа к священникам, особенно сельским, характеризуется как «унизительное, позорное и бесчеловечное, потому что не хотят видеть в иереях служителей Бога вышнего, своих собственных сотрудников в нелегком деле пастырства, но и людей. Как собак держат их за дверьми своих прихожих» [1, с. 123–124].

Беллюстин пророчески говорил о последствиях происходящего, и если не произойдет никаких изменений, то духовенство как сословие «пусть уничтожат, и чем скорее, тем лучше. В обществе, как в организме человека, все ненужное вредно; следовательно, чтобы организм был здоров, а общество устроено на прочных основаниях и вполне

благоденствовало, всё вредное должно быть изгнано, уничтожено». Автор настаивает на «немедленных коренных преобразованиях», которые должны заключаться в избавлении священников от «произвола человеческого» и решении вопроса материального обеспечения духовного сословия, чтобы духовенство «могло возникнуть к жизни новой светлой и благотворной, а не догнывать в тлетворном болоте» [1, с. 145-148].

Вопросы церковного устройства волновали Беллюстина на протяжении всей его жизни. Уже по прошествии реформ Александра II он снова вернулся к публицистике на заданную тему, но уже с анализом произошедшего в стране. В своей статье «Что сделано по вопросу о духовенстве» автор оценивал реформы неоднозначно. Он утверждал, что, по существу, положение духовного сословия не изменилось и предпринятые изменения не оказали должного влияния [3, с. 144]. В рамках этой статьи мы не будем рассматривать объективность суждений автора о происходящих в духовном сословии настроениях и определенное гиперболическое восприятие церковной действительности, связанное с личной трагедией, его интеллектуальным неприятием со стороны священноначалия и не реализованными на месте его служения, которое он называл «болотом» [2], его проповедническими талантами, а также потенциалом.

Реакция на издание книги «Описание сельского духовенства» последовала незамедлительно. В этом же году, когда книга появилась в России, Андрей Николаевич Муравьев, церковный историк, драматург и поэт, «по долгу совести и любя пламенно свою Церковь» [12], издал брошюру «Мысли светского человека о книге: “Описание сельского духовенства”», в которой дал критические замечания относительно написанного Беллюстиным, называя его книгу «хульным кощунством над всею Церковью» [10, с. 3]. Он грамотно разглядел в словах Беллюстина его жизненную трагедию и нереализованность потенциала, а отсюда написанное им было сильно «преувеличено и представлено в превратном виде, отчего может быть только вред, а не польза». Он разбирает по пунктам «Описание», делая свои замечания о современном положении духовного сословия, образовании и материальном положении священства, обращая внимание на то, что проблемы действительно существуют.

В этом же году увидела свет и более обстоятельная по аргументации и объему критика «Описания», подготовленная Николаем Васильевичем Елагиным, духовным писателем и действительным статским советником, под заглавием «Русское духовенство». Елагин, избличая начинавшуюся дискуссию в публикациях об устройстве церкви, назвал подобного рода писания «ложным и превратным разъяснением», а «Описание» Беллюстина – произведением, в «котором ярко выставлены недостатки управления с огромными прибавлениями лжи и клеветы на всё Русское духовенство, а особенно на высших лиц иерархии».

Сама книга состоит из шести глав, где «Описанию» отводится только одна глава – вторая («Суждение о книге, изданной в 1858 году в Лейпциге, на русском языке, под заглавием “Описание сельского духовенства в России”»), остальные же главы больше похожи на аргументацию «о благотворном участии Православной Церкви и пастырей её в судьбах России». Однако Елагин признает, что в «Описании» представлена «не одна только ложь и клевета, а частью и грустная правда». Если рассматривать книгу, как попытку показать лишь иногда встречающиеся «мрачные стороны», то автор, без сомнения, прав. «Но

его описание будет совершенно ложно, если захотят видеть в нем изображение воспитания и судьбы сельского духовенства вообще в России» [5, с. 1–3].

Не обошло «Описание» и русские либерально настроенные круги. В одном из номеров первой русской революционной газеты «Колокол» вышла статья неизвестного автора «О русской церкви и русском духовенстве. “Разбор” книги И. Беллюстина “Описание сельского духовенства”». Как и во всей революционной риторике, церковь считалась врагом всякой государственности, наряду с самодержавием. «Прошло то время, когда, приведя бога и царя к одному знаменателю, вы безнаказанно, систематически могли задурять человечество». Для автора вопрос стоял не в преобразовании церковной жизни и защите церкви государством, а вообще в необходимости существования самой церкви как института. «Всему возрождение, только не вам. Падайте молча, глубже, вы этого достойны; раз став рабами власти царской, вы должны были видеть, что свобода не для вас. Вы задуряли народ, он наказывает вас презрением – и вы бессильны» [14, с. 203–206].

Но даже в своих критических замечаниях автор видит неправоту Беллюстина. Он считает, что священник должен быть ближе к пастве, что попы, добывающие свой хлеб посредством возделывания земли, находятся «в большем уважении у крестьян, чем разглагольствующие в церкви о смирении, посте и муках ада, а потом отправляющиеся пьянствовать к помещику... крестьянин с большей охотой целует руку, пропитанную “азотом”, чем ту, на которой он постоянно видит перчатки».

Как видим, Беллюстин не пришелся ко двору ни правым, ни левым. Субъективность его суждений находила свое выражение и в дальнейшей его публицистической деятельности. Его дальнейшие работы еще более отдаляли его от официальной церкви. Он и критиковал русское монашество в одноименной статье, и давал неоднозначные оценки православному христианству в России и деятельности раскольнических групп в статье «К вопросу о раскольниках». Но именно его «Описание сельского духовенства» дало толчок к обсуждению взаимоотношений церкви и государства и нашло отражение в трудах современников.

Церковь, будучи государственным институтом, особенно со времен Петра I, находилась под пристальным вниманием государства, и материальное положение духовного сословия не явилось исключением, поэтому Беллюстин был, конечно, не первым, кого волновали эти вопросы. Определенная стагнация как на государственном, так и на церковном уровне позволила указанному сочинению оживить диалог, который впоследствии продолжился на страницах церковной периодики и в открытии Присутствия, подготовившего проект церковной реформы.

Оценивая вклад священника Иоанна Беллюстина в дело церковного реформирования, начатого императором Александром II несколькими годами позже, стоит говорить об определенной предвзятости и субъективности его суждений. Но о практической значимости тоже умолчать нельзя. Огромное внимание к его произведениям не было случайным и чем-то проходящим без следа. Даже сегодня личность этого священника и вопросы, поднятые им, находят отражение как в церковной действительности, так и в научных исследованиях. Православие, считавшееся государственным вероисповеданием, всегда было на рубеже в отношениях государя и крестьянина, всегда решение церковных вопросов требовало особого внимания, как стороны власти, так и со стороны паствы. Поиск новых форм для церкви как

государственного института нашел свое выражение только в революции 1917 года, о чем, хоть и небесспорно, но красноречиво говорил Беллюстин.

Литература

1. Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства. Berlin, 1858. 166 с.
2. Беллюстин И.С. Письма Виктору Андреевичу Половцову // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 601. Д. 1413. Л. 30.
3. Беллюстин И.С. Что сделано по вопросу о духовенстве // Беседа, журнал ученый, литературный, и политический. М., 1871. № 3. С. 134–157.
4. Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. СПб., 1871. №4. С. 910–911.
5. Елагин Н.В. Русское духовенство: Сборник / Сост. Н.В. Елагин. Берлин, 1859. 375 с.
6. Записки П.А. Валуева в связи с подготовкой крестьянской реформы 1861 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 908. Оп. 1. Д. 102. Л. 15.
7. Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Беллюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012. 412 с.
8. Малышев В.М. Личность священника Иоанна Беллюстина по материалам его эпистолярного наследия // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 45–54.
9. Михайлов С.Л. К вопросу о роли Российской публицистики в освещении проблем духовного образования (конец 1850 – начало 1860-х гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 62–66.
10. Муравьев А.Н. Мысли светского человека о книге: «Описание сельского духовенства». СПб., 1859. 16 с.
11. Никифоров А.В. Некоторые аспекты церковного инакомыслия в России во второй половине XIX века. 2008. № 7. С. 44–50.
12. Письмо А.Н. Муравьева М.П. Погодину о состоянии русской церкви и организации управления ею (по поводу книги «О сельском духовенстве») // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 205. Д. 603. Л. 1.
13. Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. Т. 4: Афанасий – Бессмертие, 2002. 751 с.
14. Разбор книги «Описание сельского духовенства». Публикация П.Г. Рындзюнского // Литературное наследство: В 104 т. М., 1956. Т. 63. С. 197–206.

©Кругликов А.С., Цысь О.П., 2020